

ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ МАТРИЧНО-СЕТЕВОЙ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ И ЦЕННОСТНОЙ КВАЗИКАТЕГОРИЗАЦИИ В ЕЕ ЯЗЫКОВОМ И РЕЧЕВОМ ОТРАЖЕНИИ

И.В.Чекулай, О.Н.Прохорова

Белгород, Россия

Summary: This article deals with the principal standpoints of the process called here «value quasi-categorization». Its essence is that the value concepts have a peculiar structure that could be aptly described in terms of «semantic matrix», i.e., as mental imprints of previous experiences of evaluating different phenomena in the outer world, society, mind, and speech, as well as in the process of quasi-categorization, having the character of linguistic universals. This structure is embodied in value concepts and their groupings, such as value conceptual spheres and value domains.

Мнение о том, что оценки пронизывают всю нашу жизнь, можно принимать как аксиоматическое. При этом оценка многогранна и очень динамична. Люди часто меняют оценки одних и тех же предметов, явлений, событий по разным причинам, а довольно часто и без наличия причинно-следственных связей. То, что вчера расценивалось как норма, сегодня уже становится обузой и сменяется другим однотипным явлением, а завтра уже это новое явление может вызывать недовольство, пресыщенность, неприятие. При этом такое аксиологическое соотношение относится не только к скоротекущим или преходящим вещам, обладающим определенной ценностью, но довольно часто это касается и таких фундаментальных ценностей, как ЛЮБОВЬ, ДРУЖБА, СЕМЬЯ, РАБОТА и т.п. Мы не говорим уже о тривиальных случаях типа ситуации, когда женщина перестает радоваться приобретению обновки, увидев ее на своей подруге или неприятельнице. Желание посмотреть старый, но любимый фильм по телеканалу моментально проходит, если вам подарили видеокассету или DVD-диск, на которых этот фильм записан без рекламных пауз. Тем самым вещь, которая до этого занимала ваше воображение, становится объектом достаточно равнодушного отношения к ней. О нарушениях моральных и юридических норм сегодня много говорится в популярных ток-шоу. Парадигматика угасшей любви уже в эпоху Возрождения дала почву для многих жанров художественного творчества. Однако попытки проникнуть в реальную сущность этих явлений до сих пор остаются уделом только деятелей науки и искусства. Между тем представляется, что люди будут блуждать в жизненных ценностных лабиринтах до тех пор, пока будут учиться находить выходы из них только на своих ошибках или же вообще не пытаться находить такие выводы, а плыть по течению.

Наблюдение над семантическими особенностями формирования оценочных высказываний и анализ лексем языка, имеющих ценностно-

семантическую основу формирования, показывает, что в целом система соотношения категориальных ценностных концептов, категориальных доменов с их внутренней ценностно-семантической структурой, представленной различными ценностными концептосферами, а также концептами, образованными в результате перекатегоризации концептов, принадлежащих сферам чувственного и соматического опыта, общих отношений, метафоризации и метонимизации предметных концептуальных областей в сферу ценности, имеет сложный характер взаимодействия и взаимообусловленности. Это обусловлено, на наш взгляд, совокупностью различных факторов формирования этой системы.

Основным фактором является индивидуальный характер сознания. Каждый человек представляет собой отдельный личностный микромир, со своими сферами приоритетов и предпочтений, вкусов и склонностей, привычек и традиций. Эти индивидуальные характеристики личности постоянно налагаются на общую ценностную концептуальную структуру, формирующуюся в течение многих веков в общественном сознании, и вносят в нее свои индивидуальные коррективы.

Вторым важным фактором представляется многоплановость самой структуры личности, в которой рациональное мышление и, соответственно, интеллектуальный ценностный опыт находятся в постоянном взаимодействии с эмоциональными переживаниями и соматическими ощущениями, с волевыми установками индивида. Поэтому в одной и той же ситуации деятельности при потребности дать ей определенную ценностную или оценочную квалификацию индивид может руководствоваться сразу несколькими основаниями такой квалификации.

Следующий фактор тесно связан с предыдущим. Выделение определенной деятельности как кванта жизнедеятельности предполагает относительную дискретность пределов этого кванта. В жизни человека существуют отдельные моменты, когда он полностью сосредоточен на одном виде деятельности. Ему приходится совмещать в своем сознании и искать решение сразу нескольких житейских проблем – бытовых, функционально-биологических, производственных, познавательных, в том числе и научных; ему приходится взаимодействовать с различными людьми, у которых существуют подобные комплексы проблем и общение с которыми по тем или иным причинам он не может перенести на более подходящее время. Кроме того, внешне различные виды деятельности имеют глубинную причинно-следственную связь. Поэтому ему приходится совершать буквально броуновское движение в поисках и выполнении решений своих и чужих проблем.

Еще одним важным фактором, на наш взгляд, является ситуативность оценочных квалификаций и соответствующие ей особенности актуализации ценностей. Ситуация оценки предполагает определенные временные и пространственные параметры, а также тот общий ценностный фон, на котором разворачивается эта ситуация. Сюда включаются ценностные основания, диктуемые субъекту деятельности и задающие особенности предстоящей деятельности его собственными предшествующими единичными квантами деятельности, окружающего его социума (близких, знакомых,

сослуживцев, инфраструктуры той местности, в которой в данный момент находится субъект деятельности, государства, мирового сообщества). При этом следует отметить, что субъект деятельности и субъект оценки достаточно часто представлены одним и тем же лицом. Тем самым, с точки зрения референции как способа отображения реальной действительности и социальных отношений в мышлении и в языке, они кореферентны, т.е. представляют одну и ту же предметную или мыслительную сущность. Обстоятельства часто накладывают свой отпечаток на ценностную структуру личности, и она меняет свои установки, предпочтения, приоритеты, а в конечном счете, и интересы как начальный импульс и движущую силу выполнения деятельности. В то же время ценности с точки зрения их отражения в системе единиц языка остаются неизменными. Такое противоречие между индивидуальным и объективно сложившимся пониманием ценности является, пожалуй, не менее важным фактором, чем фактор индивидуальности единичного ценностного сознания в его статике.

По этой причине ценности имеют свои особенности как внутренней концептуальной организации, так и структуры взаимосвязанных концептов. Представляется необходимым начать рассмотрение этой проблемы с ее первой части, а именно с особенностей внутренней структуры ценностных концептов.

На наш взгляд, такие концепты структурируются по схеме выбора наиболее существенных признаков из эмпирического анализа воздействий различных существ, предметов, явлений и структурных данностей, имеющих определенные с объективной точки зрения параметры, на сферу перцепции, мышление, эмоции и чувства, волеизъявления, убеждения и т.п. субъекта оценки такого воздействия. Такую схему можно представить в виде следующей аналогии. Если несколько человек (в разной обуви или босые) наступят ногой в одно и то же место на мягкой поверхности, то получится след, принадлежащий им всем и в то же время не принадлежащий никому из наступивших. Тем не менее, мы можем получившийся отпечаток четко идентифицировать как след и концептуализировать его в таком виде. Имеющие конкретно-объектную референцию концепты формируются именно по такому *суммарному* принципу (*summing principle*), где общий концепт формируется в результате суммарного восприятия референтов этого концепта.

Именно таким образом формируются и наши аксиологические воззрения. Единственное, что отличает их от суммарных оттисков в нашем сознании, это то, что аксиологический опыт человека формируется в смешанном ассоциативно-линейном структурировании. В результате одинаковых или сходных воздействий данности объективного мира или социума на перцептивную, соматическую и личностную сферу индивида у него формируются представления о благотворности или неблаготворности такого воздействия, и такой опыт складывается не сразу, не в течение относительно короткого промежутка времени, а постепенно. При этом возникает устойчивая ассоциативная связь, позволяющая идентифицировать тот или иной референт с аксиологическими позициями.

Полученный в результате такого опыта образ предмета ассоциируется

с индивидуальными ощущениями от такого опыта взаимодействия. В результате получается обобщенный образ (вернее, ментальный «оттиск») качеств данного предмета с точки зрения взаимодействующего с ним индивида. Часто это индивидуальные ассоциации, на основе которых индивид формирует свои симпатии или антипатии по отношению к этому предмету или явлению (одним мясо нравится, другим нет; одним мужчинам нравятся блондинки, другим брюнетки; одни граждане США поддерживают демократов, другие республиканцев и т.п.). Однако существуют и аксиологические штампы, присущие определенному социуму или человечеству в целом (например, «смерть – это плохо», «яблоки – это вкусно»). Мы не будем останавливаться на конкретных факторах, формирующих те или иные оценочные презумпции, а покажем особенности механизма формирования таких концептов в целом.

Итак, вследствие эмпирического переосмысления данных о предмете возникает и его аксиологическое содержание. Однако такое воздействие, а точнее, эффект такого воздействия, может быть сходным или идентичным с воздействием других объектов, причем разного рода. Это может сказываться, в частности, на психосоматических эффектах воздействия на человека. Так, при поднятии большого веса или при сильном негативном эмоциональном переживании у человека проявляются одни и те же симптомы – усиленное сердцебиение, кровь приливает к лицу или отливает от него и т.п. На этой основе (несомненно, в результате устойчивой метафорической ассоциации) у человека формируется понятие «тяжести» как чего-то неприятного, нежелательного, мешающего его нормальной жизнедеятельности. Этот концепт откладывается в памяти, при этом он имеет расплывчатые очертания, подобные тем, которые имеет оставленный многими ступнями след. В дальнейшем человек использует этот концепт для экспликации прочих негативных воздействий на сферу физиологическую и ментальную. При этом концепт в конкретной ситуации общения обретает четкую форму вследствие взаимодействия как с ситуацией, так и с концептами, наполняющими эту ситуацию.

В связи с этим нам представляется уместной аналогия с процессом материального производства. В практике обработки металлов давлением типичным является процесс, когда некую форму, которая называется «штамп», «пуансон», «матрица», используют для получения из нагретого до определенной температуры металла приближающейся к этой форме заготовки, которая после ее остывания подвергается чистовой обработке, например на токарном, строгальном или карусельном станке. Подобно этому процессу, аксиологический штамп накладывается на содержательные характеристики концепта и приобретает оценочные параметры, налагаемые структурой самого предметного концепта, тем самым приобретая в сознании «чистовую» форму, мыслимую как единство предметного и аксиологического концептов. Таким образом, оценочный концепт функционирует как своего рода «матрица» (matrix) для передачи общереферентного содержания ситуации, наводимой в дискурсе структурными и семантическими характеристиками содержания высказывания, сверхфразового единства, текста. Тем самым представляется возможным говорить о *мат-*

ричных аксиологических концептах (matrix concepts). В связи с рассмотренным выше концептом *тяжесть* можно привести примеры таких матричных композитов, указав на словосочетания *тяжелый случай*, *тяжелая потеря*, *тяжелая доля* и им подобные, где содержание составляющих концептов не равно простой сумме нового концепта, что полностью соответствует основным постулатам композиционной семантики, представляющей собой часть общей когнитивной теории языковых явлений.

Термин «матрица» в инструментарии когнитивной лингвистики не нов. Термин «сложная матрица» (complex matrix) в понимании Р.Лангакера предназначается для описания тех случаев (и Лангакер подчеркивает, что эти случаи наиболее многочисленны), когда необходимо установление соотношения с несколькими концептуальными областями [Langacker 1991: 4]. Однако такая интерпретация данного термина представляется весьма широкой с точки зрения описания структуры концептов, поскольку она в принципе приемлема практически для всех случаев, рассматриваемых в сфере проблем композиционной семантики. Рассматриваемый в данной работе подход предполагает существование особого *структурного* типа концептов, обладающих достаточно высокой степенью сложности их категориальной отнесенности, т.е. концептов, в которых отражаются сразу несколько семантических категорий. Впрочем, нетрудно заметить, что существенных расхождений в этих интерпретациях термина «матрица» не наблюдается.

Нетрудно заметить и то, что матричная гипотеза описания структуры концепта не ограничивается только сферой оценки. Можно предположить, что матрично-суммарный принцип лежит и в основе образования концептов с абстрактным содержанием, эмотивных концептов и прочих типов структур для представления знаний, не связываемых непосредственно с чувственно-наглядными референтами внешнего мира.

Таким образом, представляется, что основные концепты, формирующие лингвоаксиологическую понятийную структуру, являются именно матричными, основанными на переосмысленном метафорическом и метонимическом употреблении некоторых основных концептов, пришедших, в первую очередь, из сфер субъективных ощущений, но имеющих, тем не менее, объективную биологическую основу, объясняющую одинаковые соматические реакции у подавляющего большинства людей с нормальным развитием организма. Естественно, это универсальная характеристика, что и объясняет употребление в различных языках тождественных или очень близких по семантическому объему и содержанию лексем.

Такой подход к проблеме определения внутренней структуры ценностных концептов, взятых как отдельные ментальные сущности, не только не устраняет, но и затрудняет систему описания взаимосвязей этих концептов как единой, определенным образом сбалансированной и тем самым имеющей потенциалы к функциональной реализации системы. Матричный, расплывчатый характер ценностного концепта дает основания усомниться в его связи с другими такими же концептуальными матрицами.

На наш взгляд, основным критерием при разрешении данной проблемы является ценностный опыт индивида. Сталкиваясь с необходимостью

квалификации явления действительности или сознания, человек накапливает в своем сознании опыт таких квалификативных отношений. В то же время он параллельно фиксирует, с одной стороны, аналогичные квалификативные ассоциации в результате выполнения различных видов деятельности, отличающихся по целям, задачам, средствам, алгоритму и результату их выполнения. С другой стороны, он накапливает в своем ценностном опыте имплицативных ценностных отношений связи различных стадий деятельности. Например, когда человек ест персик в первый раз, он фиксирует, что в результате он получает удовольствие и сенсорное наслаждение. Это квант своей эмпирики вкусовых ощущений он ассоциирует с приятным состоянием. Напротив, попробовав первый раз горький перец, он фиксирует в своем сознании отрицательный сенсорно-вкусовой опыт. Поскольку в этом случае алгоритмом деятельности можно пренебречь (процесс вкушения пищевых продуктов не зависит от их вкусовых свойств), то в сознании устанавливается имплицативная связь: «Персик вызывает приятные ощущения, а перец – неприятные, даже болезненные». Пробуя в другой раз иные продукты, например шоколад, яблоко, арбуз, апельсин, ананас, он ассоциирует их с ощущениями, полученными в результате еды апельсина, а свой чувственный опыт от пробы чеснока, лука, хрена, горчицы и им подобных продуктов он соотносит с эмпирическим сенсорно-вкусовым опытом пробы перца. Основным моментом ценностной категоризации в таких случаях состоит в том, что одинаковая деятельностная взаимосвязь «продукт – сенсорно-вкусовое ощущение», с одной стороны, обобщает вкусовые ощущения от одних видов продукта как приятные, а от других – как неприятные. С другой стороны, на основе одинакового алгоритма деятельности происходит обобщение противоположных по квалификативным данным результатов в единую ментальную сущность – концепт ВКУС.

Но такой концепт не был бы матричным без обратной связи. На основе концептуальной метонимии «приятный вкус → вкус персика» субъект оценки распространяет ассоциативную квалификацию данного ценностного опыта и на другие сферы жизнедеятельности и, соответственно, сферы частной оценки. При этом следует учитывать, что ассоциативная ценностная связь имеет свои пределы. Так, отнесение сенсорно-вкусовых оценочных квалификаций к гедонистическим оценкам предполагает возможность метафорической оценки, например, женской фигуры в устах представителя сильного пола как «персика», причем здесь идет обратная метонимия – под «персиком» понимается, как правило, не отдельная часть тела, а женская фигура в целом. Метафора «красивая женщина → персик» особенно распространена у восточных народов.

Данную схему категориальных взаимоотношений концептов нельзя считать законченной, пока индивидуальные ассоциации и импликации ценностного характера не получают не только содержание, но и свою морфологию. Такой объективной формой воплощения ценностного и оценочного содержания в условиях человеческого общества была и остается система языка и речи. Ценностные концепты не могут не воплощаться в форме языковых единиц, иначе бесформенность их содержания не имела бы

никакой функциональной значимости, тем самым превращая эти ценности в нечто бесполезное, не имеющее никакой ценности для индивида и социума. Именно по этой причине философская аксиология и лингвоаксиология не просто практически неразделимы, а являются своего рода аверсом и реверсом ценности как данности менталитета человека, и изучение философских аспектов ценности возможно лишь в терминах языкового обозначения ценностей.

Достаточно сложную проблему представляет собой стратификация ценностных концептов. Как известно, на основе теории «семейного сходства» Л.Витгенштейна Дж.Лакофф предлагает следующую концепцию уровневой организации категорий: «Категории не только организованы в иерархию от наиболее общих к наиболее конкретным категориям, но также организованы таким образом, что базовые с когнитивной точки зрения категории находятся “в середине” иерархии общего – конкретного. Генерализация происходит по направлению “вверх” от базового уровня, а специализация – “вниз”» [Лакофф 2004: 29].

В целом данная концепция могла бы быть достаточно адекватной и для описания системы ценностных концептов как звена в цепи общей ментальной и языковой категоризации, во взаимосвязи с предметными концептами. Действительно, такие концепты, как ЗНАЧИМОСТЬ, ПОРЯДОК, ИНТЕРЕС являются обобщениями более частных концептов. Так, например, концепт ЗНАЧИМОСТИ можно представить в терминах ВАЖНОСТИ, ОСОБЕННОСТИ, СОДЕРЖАТЕЛЬНОСТИ, ПОЛЬЗЫ и т.п. Однако все перечисленные выше факторы индивидуализации ценностного и оценочного содержания, как было подчеркнуто, значительно затрудняют стратификацию по данной модели. Матричный характер ценностных концептов, их ассоциативная поливекторность и высокий потенциал к метафорическим и метонимическим переносам содержания позволяют устанавливать прямые ассоциативные связи между ценностными концептами, представляемыми у Дж.Лакоффа как такие, которые относятся к генерализующему и специализирующему уровням, минуя опосредованность концептами базового уровня.

Например, концепт, выражающийся в английском языке словом FRUIT, мы условно относим к концептам, категоризирующимся на основе концепта Результативность. Но, в то же время, плод имеет значение и как средство потребления, т.е. как функциональное средство. Определенный плод важен и с позиций ИНТЕРЕСА, когда мы хотим попробовать именно данный плод. Таким образом, представая в качестве частной языковой номинации концепта RESULT, FRUIT становится, в свою очередь, обобщением свойств категориальных ценностных концептов INTEREST и MEANING.

Как представляется, выход из данного когнитивного тупика следует искать в той же теории «семейного сходства» Л.Витгенштейна. Понимание сходства предполагает не только иерархические вертикальные связи, но и горизонтальные. В частности, он пишет: «Мы обнаруживаем, что то, что связывает все случаи сравнения, это огромное число накладывающихся друг на друга подобий, и поскольку мы видим это, мы не можем больше

говорить о том, что должна существовать одна особенность, общая для всех случаев» [Витгенштейн 2005: 240-241].

Аналогия мыслительных ассоциаций с семейным сходством, как представляется, предполагает не только непосредственное иерархическое подчинение концептов, например по признаку «поколение» («дед – отец – ребенок»), но и иную, релятивную структурированность. Так, в данном случае мы намеренно ввели в данный ряд слово, не относящееся к терминам кровного родства, потому что слова «сын» или «внук» были бы нарушением по отношению к одному из предыдущих членов ряда. Семейное сходство предполагает не только иерархическое сходство, но и линейное, горизонтальное. Так, братья-близнецы имеют гораздо большее внешнее сходство, нежели каждый из них с дедом или отцом. В аналогичном соотношении находятся и ценностные концепты. Многие из них функционально фактически являются «близнецами» (например, ВАЖНОСТЬ/ IMPORTANCE и ЗНАЧИМОСТЬ/ SIGNIFICANCE). Но, в то же время, близнецы могут иметь совершенно различный характер. В этом плане каждый из них в отдельности может напоминать отца или мать, деда или бабушку и т.п. (в русском языке для этого существует очень удачная метафора из области-источника «путь» – «пойти в ...»). Поэтому в системе категориального соотношения различных ценностных концептов могут наслаиваться различные категориальные основания, и для того, чтобы каким-то образом связать их, мы подбираем более или менее подходящие языковые обозначения этим ментальным сущностям. Как пишет тот же Л.Витгенштейн, «Предмету приписывают то, что является способом его представления. Находясь под впечатлением возможности сравнения, мы принимаем ее за восприятие некоторого крайне общего положения вещей. Когда же мы полагаем, что должны найти этот порядок, идеал, в реальном языке, мы не удовлетворены лишь тем, что в обыденной жизни называют предложением, словом, знаком» [Витгенштейн 1985: 122-123].

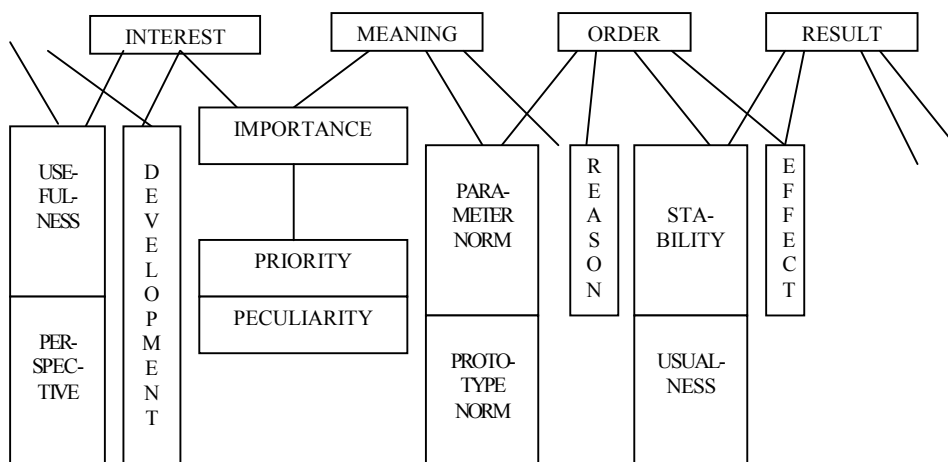
Поэтому система передачи ценностных представлений, или ценностных концептов, языковыми знаками предполагает несколько иную самоорганизацию, нежели организация соотношения языковых обозначений предметных категорий. В то же время мы располагаем определенным ценностным опытом в нашем сознании, мы можем дифференцировать различные ценности, а это означает, что в основе такой дифференциации заложена система, имеющая определенную иерархию ее элементов, иными словами, категориальная система.

На наш взгляд, наиболее приемлемым способом представить такую систему можно через ценностную интерпретацию деятельности. В ней также имеется базовый уровень, но, в отличие от базового уровня предметной категоризации, предполагается его не промежуточный между обобщающим и специализирующим уровнями статус, а то положение, когда он образует вершину ценностной иерархии. Таким образом, в английском языке данный уровень составляют базовые КЦК INTEREST, MEANING, ORDER и RESULT. Далее следуют связующие КЦК IMPORTANCE, REASON, EFFECT, DEVELOPMENT. Однако они находятся не в схематически вертикальном, а, скорее, диагональном соотно-

шении с базовыми КЦК, поскольку они являются важными ценностно-ассоциативными связками базовых КЦК.

Следующий уровень ценностной категориальной иерархии составляют категориальные домены, обусловленные взаимодействием смежных с позиций последовательности фаз деятельности категориальных доменов. Иерархически они не подчинены связующим КЦК, но определяются взаимодействием базовых КЦК и поэтому находятся в иерархическом подчинении этим концептам. В целом данную иерархическую систему можно представить в виде следующей схемы:

Основные положения теории категориальных ценностных концептов и доменов получили более широкое освещение в [Чекулай 2006].

Следующий уровень ценностной категоризации представляют концептосферы, входящие в домены базовых КЦК, связующих КЦК и доменов, образованных пересечением ценностно-семантических характеристик базовых доменов. Следует отметить, что они обладают особым статусом. Такое наложение двух систем категоризации друг на друга и обуславливает, на наш взгляд, как жесткую матричную структуру самих оценочных концептов, так и промежуточный статус концептов и концептосфер, в иерархическом ценностном отношении входящих в состав основных ценностных доменов, но с точки зрения системы категоризации в целом являющихся промежуточным звеном между ценностной и предметной категоризацией.

Данные концепты, как показывает анализ их ценностного содержания, перебрасывают своего рода ассоциативный мостик между общерелятивными (передающими общие отношения) и ценностными значимыми сферами. Таковы, например, концепты ПОСТОЯНСТВО/ CONSTANCY, связующий сферу общего отношения PERMANENCE (в русском языке лексически не дифференцируется и также передается лексемой ПОСТОЯНСТВО), и ценностный домен СТАБИЛЬНОСТЬ/ STABILITY, ГОСПОДСТВО/ DOMINATION :: ПОДЧИНЕНИЕ/ SUBORDINATION, соотнося-

щий между собой сферу общего отношения ИЕРАРХИЯ/ HIERARCHY и ценностный домен ПРИОРИТЕТ/ PRIORITY, и другие. Поэтому данные концепты представляют собой особый переходный концептуальный пласт между системами предметного и ценностного типов категоризации. Тем не менее, исходя из целей и задач данной работы, мы рассматриваем данные концепты в системе ценностной категоризации, где они занимают место более низкого иерархического уровня ценности, нежели ценностные домены.

Такие особенности категориальной организации системы ценностных концептов накладывают свой отпечаток на характер семантической связи между ними. Основное функциональное назначение ценности, в конечном счете получающей реализацию лишь в оценке, фактически устраняет уровневую организацию и с функциональной стороны создает условия взаимодействия ценностных концептов без учета их категориально-ценностной иерархии. Прагматика текущей ситуации оценки и возможность переориентации ценностных приоритетов вне общей последовательности стадий деятельности позволяет миновать не только отдельные связующие концепты, но и целые домены. В этом убеждает анализ соотношения ценностных концептов, которые обуславливают аксиологическую структуру следующей оценочной ситуации:

In an adroit way, Heyward realized, their host had maneuvered Harold Austin and himself into the stance of supplicants – a reversal of the banker's usual role. But the fact was, any loan to supranational would be worry-free, as well as prestigious for FMA. Equally important, it could be a precursor of other new industrial accounts since Supranational Corporation was a pacesetter whose example others followed [Hailey 1986: 222].

В произведении, откуда взят данный пример, с точки зрения стратификации системы единиц языка он представляет собой сверхфразовое единство. В нем отражен комплексный характер оценки: введение антецедента показывает, что ситуация с точки зрения Хиварда оценивается двояко. Оценочная тональность данного антецедента показывает, что суммарная оценка факта была положительной. Ключевым оценочным показателем здесь является прилагательное *important*, поскольку оно характеризует общий характер планируемой сделки. Как указывалось выше, концепт *IMPORTANCE* имеет прямой выход на базовые домены *INTEREST* и *MEANING*. Действительно, данная сделка совершалась, по мнению субъекта оценки, и в интересах его банка, и в его личных интересах и тем самым имела положительное значение. Лексема *worry-free* относится к концептосфере *SAFETY*, иерархически подчиненной домену *STABILITY*, соотносящемуся с концептом *IMPORTANCE* через базовый ценностный домен *MEANING*. Лексема *prestigious* и словосочетание *a precursor of other new industrial accounts* относятся к ценностному домену *PERSPECTIVE*, соотносящемуся с базовыми доменами *RESULT* и *INTEREST*. Перефразируя данное СФЕ и придавая ему дескриптивную интерпретацию, его можно представить следующим высказыванием: «In Heyward's opinion, safety, prestigiousness as well as his personal and corporative interests were important to him and thus had positive meaning and significance».

Рассмотрим конвергенцию ценностных оснований в следующем русскоязычном примере:

За тридцать лет службы Дуговец достиг звания старшего лейтенанта, скрывал свою досаду за это, сочиняя сложные теории, как его постоянно обносили чинами и наградами и как ему наплевать на все это, ибо самое важное – честно исполнять свой долг [Меттер 1979: 408].

Данное высказывание дает следующую ценностную информацию. С одной стороны, в нем актуализируются общечеловеческие ценности (например, та, что выполнять свои служебные, гражданские, семейные и прочие общественные обязанности необходимо, и потому *важно*). С другой стороны, здесь актуализируется ситуативное отрицательное оценочное отношение к личности старшего лейтенанта милиции Дуговца, поскольку, во-первых, это явно тупица или лентяй или и то, и другое (суждение по объективному факту – за тридцать лет службы только старший лейтенант, поэтому нет необходимости модифицировать словосочетание *старшего лейтенанта* оценочным наречием *только*), а во-вторых, это явно самоуверенный, убежденный ничтоже сумняшеся в своей правоте, очевидно надутый и самодовольный индюк, о чем свидетельствует оценочное глагольное словосочетание *скрывать досаду за что-либо*. Таким образом, здесь актуализируются следующие ценностные концептосферы: ВАЖНОСТЬ, БЕЗРАЗЛИЧИЕ (как отрицательный оценочный потенциал в составе ценностного домена ВАЖНОСТЬ применительно к конкретной ситуации, что выражается разговорным глаголом *наплевать на...*), ЛОЖЬ как частный случай концепта НЕСТАБИЛЬНОСТЬ (дисбаланс ПРАВДЫ), а все это объединяется концептом НЕЭФФЕКТИВНОСТЬ применительно к характеристике отдельного человека.

Представляется, что лабильность концептуальных связей позволяет установить потенциалы непосредственной связи с концептами, минуя домены, через которые в парадигме соотношения ценностных концептов опосредствуются ассоциативные отношения отдельных концептов. Поэтому функциональная обусловленность ценностных концептов и их матричный характер позволяют выдвинуть гипотезу сетевой ценностно-концептуальной организации.

В когнитивистике понятие семантической сети не является новым. Описывая особенности прототипического подхода, В.З.Демьянков отмечает следующее: «Когнитивная семантика позволяет лингвисту останавливаться на той степени детальности в описании значений, какая ему доступна на данный момент – не жертвуя общностью и цельностью используемых категорий. По ходу такого описания сеть семантических связей может постепенно усложняться, то, что постулировалось раньше, может прийти в противоречие с более поздно указываемыми деталями, – но все спасает уже сама презумпция о том, что мы идем от более простого, более примитивного – к более тонкому» [КСКТ 1996: 143].

Представляется, что в сфере ценностной категоризации и концептуализации сеть также имеет не четко стратифицированную иерархическую структуру, а представляет собой нечто вроде рыбацкой сети, а точнее, подобие капронового мешочка для овощей или авоськи, где узлы нитей

представляют собой отдельные ценностные концепты, а переключки между узлами выполняют функцию межконцептуальных связей. В зависимости от наполнения – от характера подвергаемой ценностной и оценочной квалификации деятельности, от оснований оценки, от доминанты определенной личностной сферы или их совместного действия – сеть может принимать необходимую обтекающую содержание форму и тем самым адекватно реагировать на непосредственные особенности ситуации оценочной квалификации. Естественно, как и всякая аналогия, такое описание системы соотношения ценностных концептов грешит механицизмом, но в целом оно передает основные структурные характеристики такой системы. С учетом матричной природы ценностных концептов такой подход к описанию общих принципов концептуализации и формирования ценностных категорий, представленных категориальными ценностными концептами и доменами базового уровня ценностной категоризации, можно назвать матрично-сетевым подходом.

Матрично-сетевой подход к описанию структурной концептуальной взаимосвязи ценен тем, что он позволяет избежать размытости описания ассоциативных связей в представлении не только ценностного, но и другого структурирования знаний, основанного на субъектно-объектных отношениях. В частности, он представляется перспективным для дальнейших исследований таких важных сфер отношений, как эмоциональная, перцептивная, соматическая, волевая, а также сферы общих отношений. Его перспективность видится еще и в том, что в сочетании с функционально-деятельностным подходом к определению принципов ценностной категоризации он позволяет представить ценности, характерные для практически любого рода деятельности. В качестве примера представим репрезентацию ценностной структуры научной деятельности средствами выражения ценностных концептов в английском языке.

Изначальный стимул к занятиям научной работой может быть обусловлен такими сферами личности, как рациональная и волевая. В целом его можно обобщить категориально-ценностным концептом базового уровня ИНТЕРЕС, поскольку независимо от того, какие цели преследует индивид, стремящийся к написанию научной работы (например, диссертационного исследования), – прагматические (в дальнейшем занять руководящий пост, обеспечить себе публичность, создать стартовую позицию для политической карьеры, в конце концов, улучшить свое материальное положение), волевые (повысить собственную значимость или престиж в своих глазах или в глазах знакомых и сослуживцев, реализовать свои амбиции), просто в связи со склонностью к научной работе, – он имеет определенный интерес к выполнению данной деятельности. Для этого он выбирает соответствующие средства – область научных знаний (обычно складывается объективно, в силу специфики полученного высшего образования), тематику, а также научного руководителя, которого с точки зрения соискателя можно рассматривать как средство удовлетворения данного интереса, а после этого подбирается соответствующая научная литература, экспериментальная база, лаборатория и т.д. Параллельно, но после определения средств, реализуется алгоритм написания диссертационного

исследования – обоснование темы, «начитка» научных работ, опытно-экспериментальные исследования, написание отдельных частей работы, оформление чернового и чистового варианта работы, предзащита, исправление замечаний рецензентов и, наконец, защита. Поскольку многообразие средств и алгоритмических этапов сложно для представления единой лексемой, средства можно передать как МАТЕРИАЛ (несомненно, исключив научного руководителя из этого списка по этическим соображениям), а алгоритм написания работы – как ПРОЦЕДУРУ подготовки диссертации к защите и саму защиту. Результат же представляется однозначно – УЧЕНАЯ СТЕПЕНЬ. Таким образом, ценностная структура такой важной деятельности, как «Научная (диссертационная) работа» в английском языке может быть представлена в следующих ценностно-деятельностных терминах: ИНТЕРЕС → МАТЕРИАЛ (СРЕДСТВА) → ПРОЦЕДУРА → УЧЕНАЯ СТЕПЕНЬ.

Таким образом, основные ценностные категории в языке (в частности, в рамках данного исследования разработка концептуального содержания категории оценки проводилась на материале современного английского языка) имеют достаточно упорядоченную семантическую структуру, детерминированную основными принципами в их понимании как основных механизмов детерминации явления, обусловленных соотношением деятельности как семантической категории познания и сравнения как основной операции квалификации в сознании и в языке. Однако данная структура является достаточно лабильной потому, что оценка является весьма гибким инструментом квалификации внешней по отношению к субъекту оценки действительности. Именно по этой причине уровни ценностной категоризации носят достаточно условный характер их выделения, сами концепты как элементы этой системы характеризуются гибкостью имплицативных характеристик и поэтому могут быть описаны как семантические матрицы.

Данные соображения позволяют прийти к достаточно важному выводу, который представляется главным в выработке концепции ценностных категорий языка и сознания. Пересечение двух планов категоризации – предметного и деятельностного – приводит к тому, что ценностные концепты существуют параллельно в двух плоскостях категоризации. Такая двойственность категоризационных оснований определяет как матричный характер самих ценностных концептов, так и сетевой принцип описания отношений и системных имплицативных связей между ними. Это и позволяет прийти к заключению о том, что ценностная категоризация существует в сознании и языке, однако это категоризация особого рода, которую следует описывать с приставкой «квази-». Именно подход к пониманию ценностных категорий как лабильных, подвижных матрично-сетевых отношений для характеристики различных феноменов объективного мира, а также сознания и речи человека позволяют подойти к системному лингвокогнитивному описанию способов выражения ценности и оценки в языке и речи.

ЛИТЕРАТУРА

- Витгенштейн 1985 – *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. М., 1985.
- Витгенштейн 2005 – *Витгенштейн Л.* Избранные работы. М., 2005.
- КСКТ 1996 – Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С.Кубрякова, В.З.Демьянков, Ю.Г.Панкрац, Л.Г.Лузина. Под общ. ред. Е.С.Кубряковой. М., 1996.
- Лакофф 2004 – *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят о мышлении. М., 2004.
- Меттер 1979 – *Меттер И.* Среди людей. Повести и рассказы. Л., 1979.
- Чекулай 2006 – *Чекулай И.В.* Функционально-деятельностный подход к изучению принципов оценочной категоризации в современном английском языке. Белгород, 2006.
- Langacker 1991 – *Langacker R.W.* Concept, image and symbol: the cognitive basis of grammar / R.W.Langacker. Berlin : New York : Mouton de Gruyter, 1991.
- Hailey 1986 – *Hailey A.* The Moneychangers. N.Y., 1986.